

УДК 342.914
DOI 10.52452/19931778_2022_6_98

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ ПРИ НЕЗАКОННОМ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2022 г.

А.В. Палатин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

anpal2004@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2022

Анализируется существующее правовое регулирование вопросов восстановления прав реабилитированного лица, а также судебная практика в сфере возмещения вреда, причиненного ошибочным административным принуждением, на примере дел ВС и КС РФ. Исследуется вопрос об основаниях возмещения вреда, и в частности о том, является ли само по себе прекращение дела в связи с отсутствием состава правонарушения достаточным основанием для гражданско-правовой ответственности государства. Автор исследует господствующий в судебной практике подход, усматривает тенденцию перехода к более строгому пониманию ответственности государства в этой сфере и предлагает направления совершенствования правового регулирования и правоприменения по анализируемой категории дел.

Ключевые слова: возмещение вреда, административная ответственность, реабилитация, ответственность государства, деликт.

В связи с развитием социально-экономической жизни, морали общества, изменением отношения общества к наказаниям реабилитация становится способом восстановления утраченной правоспособности и общественного положения лиц, подвергшихся наказанию. С течением времени меняются взгляды на меры административной ответственности. Становится очевидно, что некоторые виды административного наказания по строгости не уступают уголовному. Многие меры административного и уголовного наказания имеют сходное содержание и различаются лишь в деталях. Строгость административного наказания служит одним из обстоятельств, позволяющих говорить об уголовно-правовой природе административных правонарушений. И тот факт, что п. 1 ст. 1070 ГК РФ [1] в толковании Конституционного Суда объединяет и уголовно-правовую реабилитацию, и распространенные административные меры, может свидетельствовать о том, что вопрос о возмещении вреда, причиненного и в сфере уголовного, и в сфере административного принуждения, должен решаться одинаково – путем реабилитации.

По мнению А.Д. Гулякова, А.А. Яшиной [2, с. 31], реабилитация преследует цель восстановления социального, правового, имущественного и морального статуса человека и гражданина, нарушенного действиями и решениями властных структур. Конституционно-правовая реабилитация – это обеспеченное государством восстановление социального, правового, иму-

щественного и морального статуса человека и гражданина в связи с признанием действий (бездействия) органов публичной власти, в том числе административного преследования, незаконными или необоснованными.

А.Д. Гуляков и А.А. Яшина [2, с. 31] выделяют следующие признаки правовой реабилитации: реабилитация базируется на конституционно-правовом принципе ответственности государства за незаконные действия (бездействие) органов и должностных лиц; реабилитация – это восстановление социального, правового, имущественного и морального статуса личности; реабилитация возникает в связи с публичным признанием государством нарушения правового статуса личности незаконными или необоснованными действиями органов публичной власти, в том числе в результате уголовного или административного преследования; реабилитация обеспечивается государством; реабилитация является гарантией защиты личных, политических, социально-экономических и культурных прав и свобод человека и гражданина.

Гарантии возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, содержатся в ч. 2 ст. 27.1 КоАП РФ [3], в соответствии с которой такой вред подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством. Вот и все гарантии, предоставленные лицу, вовлеченному в производство по делу об административном правонарушении. Более в статьях КоАП РФ мы не находим ни одной нормы.

Сравнительный анализ показывает, что в целом понятие «реабилитация» по своему содержанию шире, чем понятие «возмещение вреда».

В настоящее время правовая концепция «реабилитации» в значительной степени разработана в науке уголовного процесса.

По мнению Г.В. Мельничук [4], используемые уголовно-процессуальным законодательством для реабилитации возмещение имущественного вреда, восстановление званий, классов чинов и возвращение государственных наград, восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного, а также официальные извинения не являются специальными уголовно-процессуальными мерами. Объем их применения в каждом конкретном случае продиктован задачами восстановления прав лиц, подвергшихся незаконному уголовному преследованию.

Однако необходимо ограничивать реабилитацию и ее правовые последствия.

По мнению А.А. Яшиной [5], решение, вынесенное по реабилитирующим основаниям, не является реабилитацией как таковой, а только основанием, порождающим право на реабилитацию. А уже право на реабилитацию включает в себя весь комплекс компенсационно-восстановительных мер.

Фактическая реабилитация будет иметь место по выполнению всех правомочий, предоставленных правом на реабилитацию.

Г.З. Климова и И.Н. Сенякин [6, с. 191] разделяют содержательную часть реабилитации на совокупности действий, направленных на восстановление невиновного гражданина в нарушенных правах (восстановление социального, правового, имущественного и морального статуса личности), и возмещение причиненного вреда (имущественного и морального).

По мнению А.П. Гуляева [7], речь идет о такой форме и таком правовом статусе решения, отменяющего незаконное или необоснованное обвинительное решение, которые бы четко, однозначно и самостоятельно выражали реабилитирующий характер такого решения, восстановление им доброго имени, достоинства и деловой репутации лица, незаконно или необоснованно обвиненного в совершении правонарушения. К сожалению, Гражданский, Гражданский процессуальный, Арбитражный процессуальный кодексы и Кодекс об административных правонарушениях не уделяют этому вопросу никакого внимания. Они ограничились регулированием главным образом материальной и моральной стороны вопроса, которая, по сути, является производной от решения основного, юридического, вопроса о невиновности лица в совершении правонарушения.

Проблему отсутствия в КоАП РФ [3] института реабилитации ярко иллюстрирует Решение Пермского краевого суда от 11.05.2017 по делу № 7-714/2017(12-268/2017) [8]. Суды в качестве одной из причин отказа в удовлетворении требований сослались на то, что заявленные в жалобе требования о признании права на реабилитацию в связи с незаконным задержанием и административным арестом возникают в связи с необоснованным уголовным преследованием и не регламентируются нормами КоАП РФ, в связи с чем не подлежат обсуждению. Аналогичный довод заявлен и в Постановлении Костромского областного суда от 14.03.2017 № 4а-50/17 [9].

В КоАП РФ вопрос о юридической части реабилитации как способе восстановления чести, достоинства и деловой репутации остается в тени, а на первый план выдвинуты вопросы возмещения вреда, причиненного незаконным или необоснованным применением мер обеспечения, т.е. в КоАП понятие реабилитации сведено к признанию за лицом лишь права на возмещение вреда, то есть на материальную и социальную часть реабилитации.

Поскольку возмещение вреда является универсальным гражданско-правовым способом защиты нарушенных прав, положение ст. 53 Конституции РФ [10] получило развитие в Гражданском кодексе Российской Федерации (гл. 59 «Обязательства вследствие причинения вреда») [1]. Однако данную позицию можно признать полностью обоснованной только тогда, когда ответственными за причинение вреда являются частные лица. Когда же речь идет о деликтной ответственности государства, то при выявлении существенных признаков противоправного поведения органов государственной власти и (или) их должностных лиц должна быть принята во внимание специфика механизма возникновения охранительных правоотношений, опосредующих реализацию такой ответственности.

Следует согласиться с Е.В. Горлач [11], которая видит проблему в том, что выработанные российской цивилистической доктриной и судебной практикой подходы, касающиеся установления условий наступления ответственности государства по деликтным обязательствам, давно перестали соответствовать мировым стандартам в области защиты прав человека, что привело к значительному количеству судебных решений, в которых российскими судами отказывается в защите и восстановлении необоснованно нарушенных прав граждан и юридических лиц. Сложности полноценной защиты и восстановления прав лиц, пострадавших от не-

обоснованной деятельности государства, заключаются в простом некритическом распространении классической доктрины о гражданско-правовых деликтах на данную сферу правоотношений, а также в нехватке понятийного аппарата, позволяющего с помощью правовых понятий и конструкций описать специфические черты основания гражданско-правовой ответственности государства по деликтным обязательствам.

Л.В. Мась [12, с. 446], говоря об основании наступления гражданско-правовой ответственности государства по деликтным обязательствам, указывает, что противоправность деятельности органов власти и их должностных лиц необходимо рассматривать с учетом двух факторов: 1) противоречие деятельности причинителя вреда нормам объективного права; 2) нарушение субъективного права физического или юридического лица, которому причинен вред.

По мнению С.С. Купреева [13], вопрос о правовой ответственности государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях может возникать в двух основных случаях:

1) когда действия уполномоченных должностных лиц были явно незаконными либо совершались ими с превышением должностных полномочий;

2) когда действия уполномоченных должностных лиц формально не противоречили закону, однако впоследствии при рассмотрении дела выясняется, что лицо не может быть привлечено к юридической ответственности.

Первый случай достаточно четко урегулирован в законодательстве. Юридино-фактическим основанием возникновения обязательств государства по компенсации вреда в порядке ст. ст. 13, 16, 1069 ГК РФ выступает юридический состав, включающий в себя два факта:

1) правонарушение как противоправное вредоносное деяние причинителя вреда, связанное с реализацией им публичной власти (незаконный акт публичной власти);

2) решение суда о возложении обязанности по компенсации вреда на указанное в законе лицо.

Нельзя сказать того же в отношении второго случая, когда действия уполномоченных должностных лиц формально не противоречили закону, однако впоследствии при рассмотрении дела выясняется, что лицо не может быть привлечено к юридической ответственности. Подобная ситуация не является редкостью. Зачастую к лицу применяются довольно жесткие меры процессуального обеспечения (например, административное задержание), впоследствии

же оказывается, что отсутствует состав административного правонарушения либо имеются другие основания, не позволяющие осуществлять производство по делу. Несмотря на простоту и распространенность ситуации, когда возбуждается административное дело, применяются обеспечительные меры или меры пресечения, а впоследствии государственным органам не удается доказать состав правонарушения, российское право пока не может уверенно сказать, подлежат ли возмещению убытки в таких случаях и если да, то какие и при каких условиях [14].

В судебной практике преобладает позиция, что сама по себе ошибка должностного лица на стадии возбуждения дела не является достаточным основанием для признания его действий незаконными и виновными, поскольку он мог добросовестно заблуждаться в виновности лица (т.е. отсутствует вина) и мог правомерно возбудить дело об административном правонарушении, а затем его правомерно прекратить (т.е. отсутствует противоправность).

Конституционный Суд также прямо признает, что в судебной практике преобладает подход, согласно которому для разрешения требований лица о возмещении вреда, причиненного ему незаконным привлечением к административной ответственности, необходимо установить не только саму незаконность акта о привлечении к административной ответственности и факт наличия вреда личности или имуществу такого лица, но и вину должностных лиц (государственных органов), принявших незаконный акт, а также наличие причинной связи между нарушением прав лица, в отношении которого дело было прекращено, и причиненным ему вредом. И Конституционный Суд не оспаривает эту логику, а только делает из нее исключение для взыскания судебных расходов, о чем будет подробнее сказано далее.

Позиция КС РФ предсказуема, поскольку именно он впервые четко выразил позицию о «правомерном возбуждении и правомерном прекращении дела» и последовательно ее придерживается. В Постановлении от 16.06.2009 № 9-П [15] Конституционный Суд указал, что «само по себе то обстоятельство, что задержанное лицо не было впоследствии привлечено к административной ответственности и не предстало перед судом, не обязательно означает, что задержание было незаконным. Факты и сведения, которые дают основания для применения задержания как предварительной меры принуждения с целью обеспечения производства по делу об административном правонарушении, могут оказаться впоследствии недостаточными

для принятия решения об административной ответственности. Требования, обуславливающие правомерность задержания, не предполагают, что компетентное должностное лицо уже в момент задержания должно иметь доказательства, достаточные для разрешения дела по существу». Тем самым КС РФ отмечает, что основания для возбуждения дела и для привлечения лица к ответственности различны, в связи с чем вполне допустима ситуация, при которой имелись достаточные правовые основания для возбуждения дела, но впоследствии не найдется оснований для привлечения лица к ответственности. То есть и то и другое действие будут считаться правомерными.

Этой же позиции придерживался и Высший Арбитражный Суд РФ. В п. 8 информационного письма ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 [16] разъяснено, что «само по себе то обстоятельство, что лицо впоследствии не было привлечено к ответственности, не означает, что применение мер пресечения являлось незаконным; законодательство РФ не предусматривает в таких случаях компенсацию вреда, причиненного правомерными действиями, в связи с чем в требовании о возмещении вреда, причиненного законным проведением производства по делу об административном правонарушении, следует отказать».

В практике Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ также усматривается этот подход. Например, в Определении от 15.01.2019 № 2-КГ18-12 [17] Верховный Суд отказал в возмещении убытков в соответствии со ст. 15, 16, 1069, 1070 ГК РФ и указал, что «действия сотрудников органов внутренних дел в процессе производства по делу об административном правонарушении в отношении истца в установленном порядке незаконными не признаны, а прекращение производства по делу об административном правонарушении само по себе не свидетельствует о незаконности действий государственного органа или должностного лица». В другом деле, где лицо было ошибочно задержано, а впоследствии административное дело прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения, Верховный Суд также отказал в возмещении убытков и даже расходов на оплату труда представителя, ссылаясь на отсутствие вины и противоправности в действиях уполномоченного органа (Определение СКГД ВС РФ от 20.08.2019 № 19-КГ19-12 [18]).

Указанные выше судебные акты наглядно показывают позицию, когда в деликтах государства противоправность проявляется в незаконности. И в этом заключается основная проблема, т.к. в сфере административного принуждения достаточно проблематично доказать не-

законность и вину должностных лиц, которые возбудили административное дело при наличии достаточных на то оснований, если впоследствии оказалось, что они ошиблись.

Случаи, когда причиненный вред возмещается государством независимо от вины должностных лиц правоохранительных органов и судей, установлены в п. 1 ст. 1070 ГК РФ (административный арест и административное приостановление деятельности). Конституционный Суд в свою очередь указал, что безвиновная ответственность распространяется не только на случаи, прямо указанные в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, но и на иные меры принуждения, ограничивающие свободу и личную неприкосновенность граждан: это административное задержание (Постановление № 9-П), привод, доставление (Определение от 17.01.2012 № 149-О-О [19]).

По мнению А.А. Маркеловой [14], проблема заключается в том, что согласно ст. 1070 ГК РФ возмещению подлежит вред, причиненный «незаконными» мерами принуждения «независимо от вины». И суды, в том числе Конституционный Суд, почему-то делают акцент на слове «незаконный», а не на словосочетании «независимо от вины» и поэтому применяют устоявшийся подход даже к случаям, подпадающим под регулирование п. 1 ст. 1070 ГК РФ.

Распространение ст. 1070 ГК РФ на административные меры пресечения, такие как задержание, привод, доставление, означает распространение на них режима реабилитации: т.е. само по себе прекращение дела в связи с отсутствием состава правонарушения должно быть основанием возмещения вреда. А слово «незаконный» в этой норме должно толковаться не как незаконность действий уполномоченных лиц в соответствии с устоявшимся подходом, а как ошибочный результат их деятельности. Об этом же свидетельствует гл. 18 УПК РФ [20], в соответствии с которой основанием возмещения вреда в порядке реабилитации является не незаконность и вина уголовного преследования, а оправдательный приговор, прекращение дела в связи с отсутствием состава правонарушения и по иным «реабилитирующим» основаниям (ч. 2 ст. 133). Поэтому даже если признавать основной подход судебной практики к незаконности обоснованным, необходимо сделать вывод, что он не может применяться к случаям, на которые распространяется п. 1 ст. 1070 ГК РФ и в которых вред должен возмещаться на основании самого по себе факта прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения. Иное толкование, которое преобладает сейчас на практике, лишает всякого смысла распространение этой нормы на административные

меры, принимаемые должностными лицами, так как при наличии обычной незаконности вред может быть возмещен и на основании ст. 1069 ГК РФ.

По мнению ученых, деликтная ответственность основывается на факте недозволенного действия, посягающего на абсолютные права, будь то имущественные права или личные нематериальные блага (право собственности, право на жизнь, здоровье и т.д.) [21, с. 25; 22, с. 14; 23, с. 145]. В полной мере сказанное относится и к обязательствам из причинения вреда органами государственной власти (их должностными лицами). Выявление специфики данного деликта имеет решающее значение для характеристики условий наступления ответственности за его совершение. Рассмотрение поведения причинителя вреда как базового элемента, запускающего механизм реализации деликтного обязательства, позволяет выявить условия наступления ответственности государства по деликтным обязательствам.

По мнению Е.В. Горлач [11], имеются следующие признаки противоправного поведения причинителя вреда как условия наступления гражданско-правовой ответственности государства по деликтным обязательствам: публичная противоправность и нарушение субъективного абсолютного права.

И.В. Маштаков [24, с. 337], отмечает, что специфика противоправности в области причинения вреда актами власти состоит в том, что действие соответствующего органа или должностного лица на момент его совершения может формально отвечать требованиям закона, но в конечном счете оказаться незаконным. Вред считается противоправным, если причинитель вреда в силу закона не был управомочен причинить вред и действовал вне пределов управомочия. Причем управомочие включает в себя как осуществление субъективного права, так и исполнение юридической обязанности.

Считая вывод И.В. Маштакова не вполне корректным, Е.В. Горлач уточняет, что действие, будучи правомерным на момент его совершения, может стать противоправным, если причинение вреда, явившееся следствием такого действия, было бесосновательным. Если гипотеза нормы публичного права (условия, при наличии которых норма начинает функционировать), регулирующей поведение органа государственной власти (его должностного лица), в конечном счете отпала (пусть и после предусмотренного этой нормой действия), то говорить о правомерном характере поведения и о его соответствии объективному праву, полагаем, невозможно. Таким образом, поведение

причинителя вреда в рассматриваемых деликтах имеет некий динамический момент, обуславливающий способность его трансформации из формально правомерного в противоправное, из формально соответствующего нормам публичного права в нарушающее их.

Данная концепция оценки правомерности действий органов государственной власти и их должностных лиц в определенной степени разделяется и КС РФ, который в Определении КС РФ от 17 января 2012 г. № 149-О-О [25] указал, что реализация конституционного права на возмещение вреда возможна только при условии оценки законности действий (бездействия) органа государственной власти или должностного лица не только с точки зрения соблюдения пределов предоставленных им законом (т.е. формально определенных) полномочий, но и при условии обоснованности таких действий, т.е. соответствии их конституционным требованиям справедливости, соразмерности и правовой безопасности. Однако наличие публичной противоправности (в том числе с учетом динамического момента) не является достаточным основанием для констатации того, что такое условие наступления деликтной ответственности государства, как противоправное поведение причинителя вреда, окончательно сформировалось.

Вторым неотъемлемым признаком противоправности как условия наступления гражданско-правовой ответственности государства по деликтным обязательствам является нарушение субъективного абсолютного права. Суть его в том, что действия (бездействие) органов государственной власти и их должностных лиц только тогда будут рассматриваться в качестве противоправных, когда ими нарушаются не только нормы публичного права, но и субъективные абсолютные права потерпевшего. Таким образом, при оценке противоправности поведения причинителя вреда в данном случае оценке подлежит не только публичное правоотношение, но и правоотношение, в котором произошел сбой и было нарушено субъективное абсолютное право частного лица, восстановление которого возможно только посредством норм гражданского права, т.е. с помощью мер гражданско-правовой ответственности.

Принимая во внимание выявленные специфические признаки противоправности поведения как условия наступления ответственности государства по деликтным обязательствам, Е.В. Горлач [11] предложен алгоритм установления данного условия.

По мнению ученого, учитывая, что динамика деликтного обязательства предопределяется особенностями нарушенного правоотношения,

в случае, когда речь идет о деликтной ответственности государства, нарушенными оказываются два правоотношения.

Во-первых, речь идет о правоотношении власти-подчинения, содержанием которого является такое поведение его сторон, при котором реализуется властная деятельность органа государственной власти или его должностного лица (уполномоченного лица). Норма публичного права, являющаяся регулятором этого правоотношения, наделяет уполномоченное лицо при наличии указанных в ней условий правом (оно же в силу специфики государственной деятельности одновременно и обязанность) совершить определенные властные действия (например, в рамках административно-процессуальных отношений произвести доставку подозреваемого; реализовать имущество в рамках расследования дел об административных и уголовных правонарушениях, уничтожить изъятую из незаконного оборота продукцию и т.д.) и одновременно возлагает на обязанное лицо обязанность не препятствовать управомоченному лицу в реализации его права (обязанности). Оценка поведения сторон именно этого правоотношения является отправной точкой для установления наличия (отсутствия) противоправности поведения как условия наступления деликтной ответственности государства.

Поведение властного субъекта – стороны указанного правоотношения власти-подчинения должно оцениваться с учетом его способности трансформации из формально правомерного в противоправное (т.е. с учетом наличия динамического момента в публичной противоправности). В том случае если соответствующее действие органа государственной власти (его должностного лица) было совершено при отсутствии установленных нормой публичного права, регулирующей поведение сторон данного отношения власти-подчинения, условий, следует констатировать нарушение соответствующего правоотношения, а именно закрепленных за его участниками субъективных прав и обязанностей.

Установление такой «публичной» противоправности (можно ее назвать противоправностью первого порядка) не является достаточным основанием для утверждения того, что такое условие наступления ответственности государства, как противоправное поведение, окончательно сформировалось, поскольку на данном этапе нет оснований утверждать, что нарушено какое-либо абсолютное субъективное право (имущественное право или нематериальное благо), подлежащее защите с помощью мер гражданско-правовой ответственности.

В связи с этим во вторую очередь обязательной оценке подлежит то правоотношение, на

этапе реализации которого произошел сбой в нормальном его течении и было нарушено субъективное абсолютное право потерпевшего, повлекшее причинение имущественного или личного неимущественного вреда. Восстановление именно этого субъективного права – определяющая цель наступления гражданско-правовой ответственности государства. Констатация нарушения такого абсолютного субъективного права и соответственно нормы, его закрепляющей, является необходимым признаком противоправности как условия наступления деликтной ответственности государства. Такую противоправность мы назовем противоправностью второго порядка, поскольку она является следствием противоправного поведения в рамках отношений власти-подчинения (противоправности первого порядка). В случае же нарушения абсолютного субъективного права, повлекшего причинение вреда, при отсутствии противоправности первого порядка можно лишь констатировать случай причинения вреда правомерными действиями. Такой вред в силу п. 3 ст. 1064 ГК РФ подлежит возмещению только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Таким образом, только одновременное наличие противоправности первого (с учетом динамического момента) и второго порядка позволяет сделать вывод, что противоправное поведение причинителя вреда как условие наступления гражданско-правовой ответственности государства по деликтному обязательству окончательно сформировалось.

Проанализируем применение указанных признаков наступления гражданско-правовой ответственности государства по деликтным обязательствам на примере взыскания вреда, причиненного ошибочным привлечением к административной ответственности, и возврата необоснованно уплаченных штрафов и иных платежей в бюджет, т.е. проанализируем последствия административно-правовой реабилитации при существующем правовом регулировании данных правоотношений.

При взыскании вреда, причиненного ошибочным привлечением к административной ответственности, знание или незнание должностного лица о невиновности обвиняемого относится к характеристике вины, а не к незаконности. Право не впервые сталкивается с проблемой установления вины и иных оснований возмещения вреда в случаях, когда правоохранительные органы или суд, добросовестно заблуждаясь в виновности подозреваемого, ошибочно привлекают его к ответственности. Рассмотренная ст. 1070 ГК РФ и гл. 18 УПК РФ о реабилитации как раз являются реакцией на эту неопределенность.

Эта ситуация отличается от устоявшегося подхода, который основан на идее правомерного возбуждения дела и правомерного прекращения. Разница заключается в содержании должностных обязанностей: на момент возбуждения дела и принятия мер пресечения должностное лицо не обязано установить состав правонарушения, поэтому само по себе его отсутствие и не считается нарушением. Но при принятии решения о привлечении лица к ответственности должностное лицо уже обязано установить состав правонарушения, а потому выявленное впоследствии его отсутствие свидетельствует о нарушении должностных обязанностей. Поэтому даже в рамках устоявшегося подхода нельзя сделать вывод о правомерности привлечения к административной ответственности, если дело прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения.

По мнению Д.Е. Богданова [26], отказ суда в возмещении вреда невиновному лицу, не совершавшему правонарушения, и возложение на него бремени несения неблагоприятных последствий ошибок правоприменителей явно несправедливо, особенно в сопоставлении с правилами главы 18 УПК РФ «Реабилитация». Обоснование вывода о правомерности действий властных органов лишь тем, что они «располагали сведениями, дающими основания предположить, что потерпевшим могло быть совершено соответствующее правонарушение», угрожает подрывом принципа законности.

Конституционный Суд в свою очередь последовательно расширяет возможность оценки незаконности, указывая, что необходимо учитывать не только формальные нарушения, но и требования соразмерности, разумности, пропорциональности (Постановление № 9-П), а также указывает на необходимость строгого подхода к возмещению судебных издержек как убытков (Постановление № 36-П [27]). Конституционный Суд в Постановлении от 15.07.2020 № 36-П [27] также обращается к аналогии с реабилитацией и указывает, что закрепление в федеральном законе применительно к отдельным видам судопроизводства различных механизмов возмещения вреда обусловливается особенностями материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, существом и значимостью вводимых санкций и правовых последствий их назначения, что, однако, во всяком случае не может приводить к нарушению правовых принципов, в том числе справедливости и равенства.

Так Верховный Суд в Определении от 19.11.2015 по делу № 305-ЭС15-8490 [28] учи-

тывая эти противоречия, но пока оставаясь в условиях несовершенного правового регулирования, предпринял попытку перейти от устоявшегося подхода к полноценной идее административно-правовой реабилитации. В Определении от 19.11.2015 по делу № 305-ЭС15-8490 [28] Верховный Суд старается опровергнуть устоявшийся подход, осознавая, что его строгое воплощение во многих случаях не позволяет защитить нарушенные права граждан, однако использует привязку к иным нарушениям должностных лиц, не связанным с возбуждением дела.

Применительно к взысканию издержек по делу об административном правонарушении, в частности расходов на представителя, необходимо учитывать, что лицо, привлеченное к административной ответственности, вынуждено нести расходы на оплату труда представителя, чтобы обжаловать постановление о привлечении к административной ответственности. В случае отказа от возмещения таких расходов необеспеченный гражданин фактически лишается бы права на судебную защиту, поскольку он не смог бы надлежащим образом защитить свои права в суде и оспорить незаконные решения должностных лиц. КоАП РФ не относит расходы на оплату труда представителя к издержкам по делу об административном правонарушении, и поэтому судебная практика не распространяет на них правило абз. 2 ч. 3 ст. 24.7 КоАП о том, что в случае прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения издержки относятся на счет федерального или регионального бюджета. В соответствии с позициями высших инстанций, если процессуальными кодексами не установлены основания и порядок возмещения судебных издержек, они могут быть взысканы как убытки в соответствии со ст. 15, 16, 1069 ГК РФ (Определение КС РФ от 20.02.2002 № 22-О [29], п. 26 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5 [30]). Но характеристика судебных расходов как убытков предполагает, что для их взыскания в гражданском процессе требуется наличие состава нарушения – противоправности, вины, причинно-следственной связи и вреда. То есть формально к их взысканию тоже должна применяться изначальная логика об обосновании незаконности не по самому по себе факту прекращения дела, а по дополнительным обстоятельствам, хотя основанием их возникновения является не классический деликт должностных лиц, т.е. неправомерные и виновные действия, а вынужденность частного лица защищать в суде свои права против необоснованного обвинения, выдвигаемого публичным органом в публичных це-

лях. Поэтому основанием компенсации судебных издержек, в том числе расходов на оплату труда представителя, является сам по себе факт прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения. Аналогично и в делах, рассмотренных в Постановлении № 36-П, лица, необоснованно привлеченные к административной ответственности, не могли не нести этих расходов, и основанием их компенсации является признание ошибочности позиции государства по этому спору, а не незаконность, как она понимается согласно устоявшемуся подходу. Конституционный Суд указывает, что при решении вопроса о возмещении судебных расходов недопустимо ссылаться на отсутствие незаконности или вины в действиях должностных лиц – эти убытки возмещаются на основании самого по себе факта прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения.

Конституционный Суд в Постановлении № 36-П выводит обязанность возмещения расходов на оплату труда представителя не из ст. 53 Конституции РФ о праве на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, а из ее ст. 47 о праве на судебную защиту. КС РФ разъясняет, что «из права на судебную защиту вытекает общий принцип, в силу которого правосудие нельзя было бы признать отвечающим требованиям равенства и справедливости, если расходы, понесенные в связи с судебным разбирательством, ложились бы на лицо, вынужденное прибегнуть к этим расходам в рамках судебного механизма обеспечения принудительной реализации своих прав, свобод и законных интересов». В связи с изложенными доводами Конституционный Суд признал ст. 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку «они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не позволяют отказывать в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановления, решение по результатам рассмотрения жалобы) со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) или наличия вины должностных лиц». Но ст. 16, 1069 и 1070 ГК РФ не предусматривают никакой дифференциации в основаниях возмещения вреда применительно к

различным видам убытков. Для гражданского права эти расходы являются такими же убытками, как и остальные. Особенности возмещения судебных расходов по сравнению с иными видами убытков обусловлены не их гражданско-правовой природой, а необходимостью обеспечить право на судебную защиту. Поэтому более корректной представляется компенсация судебных издержек в виде расходов на оплату труда представителя в случае прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения не согласно положениям ст. 53 Конституции РФ и ст. 16, 1069 и 1070 ГК РФ, а из ст. 24.7 КоАП РФ в толковании, необходимом для реализации ст. 47 Конституции РФ о праве на судебную защиту. В гл. 59 ГК РФ о возмещении вреда вряд ли можно усмотреть какое-либо нормативное основание для применения особых правил возмещения судебных издержек по сравнению с иными видами убытков, поэтому это обоснование следует искать не в деликтном праве, а в административном, процессуальном и конституционном. Стоит отметить, что суды уже восприняли этот подход и применяют на практике [31, 32].

Если дело прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения, штраф должен быть возвращен по причине самого факта отсутствия оснований для привлечения лица к административной ответственности. Применение в этом случае устоявшегося подхода лишает всякого смысла обжалование постановлений о привлечении к административной ответственности и фактически приводит к наказанию невиновного лица. В этом контексте заслуживает особого внимания Определение СКЭС ВС РФ от 19.11.2015 № 305-ЭС15-8490 [33]. В этом деле организация была привлечена судом к административной ответственности в виде штрафа на основании протокола, составленного должностными лицами МЧС России. Суд вышестоящей инстанции дело прекратил в связи с отсутствием состава правонарушения. Общество обратилось в суд с иском о возмещении расходов на оплату труда представителя и уплаченного штрафа. Суды отказали в возмещении этих убытков, руководствуясь устоявшимся подходом: они посчитали, что у МЧС были основания полагать, что общество совершило нарушение, МЧС правомерно составило протокол об административном правонарушении, а суд назначил наказание. Верховный Суд отменил эти акты, устраняя явную ошибку – невозможно отказать в возмещении штрафа и расходов на оплату труда представителя, если дело прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения.

По мнению А.А. Ягельницкого и О.Д. Петроль [34], в данном деле судами продемонстрирован подход, ведущий к ужесточению ответственности органов и должностных лиц, составляющих протоколы по делам об административных правонарушениях, если в последующем совершение административного правонарушения в судебном порядке не подтвердится. К слову, Окружной суд, традиционно выбирая наиболее сильное основание для оставления актов нижестоящих судов без изменения, сослался на единственное обстоятельство – отсутствие причинно-следственной связи между действиями МЧС и уплатой административного штрафа. Территориальный орган МЧС составил протокол, но из протокола не возникает обязанность уплатить штраф, в нем не отражается сумма штрафа, он не является исполнительным документом и т.д. Возбуждая дело посредством составления протокола по делу об административном правонарушении, территориальный орган МЧС лишь констатирует наличие достаточных данных, указывающих на событие административного правонарушения (ст. 28.1 КоАП РФ). Решение же о том, имеется ли состав административного правонарушения и нужно ли привлекать лицо к административной ответственности, о виде и мере наказания принимает судья (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ). Заслуга СКЭС ВС РФ в том, что в Определении от 19.11.2015 № 305-ЭС15-8490 [28] ВС РФ пришел к выводу, что последующее рассмотрение протокола об административном правонарушении судьей не является обстоятельством,рывающим причинно-следственную связь между составлением протокола и уплатой административного штрафа, т.к. привлечение к административной ответственности судьей при рассмотрении протокола является обычным, типовым развитием событий. СКЭС ВС РФ в Определении от 19.11.2015 № 305-ЭС15-8490 [28] подразумевает следующее: если производство по делу об административном правонарушении в дальнейшем прекращено в результате отсутствия состава административного правонарушения либо если в привлечении к ответственности отказано, действия органа, составившего протокол, являются виновными. Из этого можно сделать вывод, что действия являются также и противоправными: бессмысленно устанавливать виновность в отношении непротивоправных действий.

А.А. Ягельницкий и О.Д. Петроль [34] считают, что если нижестоящие суды воспримут изложенную в комментируемом Определении позицию, то при взыскании убытков, причиненных назначением судом административного наказания, противоправность и вина будут

устанавливаться в отношении протокола, а не в отношении судебного акта, т.е. требование п. 2 ст. 1070 ГК РФ приниматься во внимание не будет.

Примечательно, что ранее, к примеру, Президиум ВАС РФ не считал противоправным само по себе производство по делу об административном правонарушении, если отсутствовали доказательства несоразмерности или злоупотребления со стороны органа, составляющего протокол по делу об административном правонарушении, из чего очевидно, что бремя доказывания несоразмерности и злоупотребления возлагалось на истца [16].

Учеными [34] высказываются определенные сомнения в том, является ли верной избранная Коллегией в Определении от 19.11.2015 квалификация требования как иска о возмещении реального ущерба. В практике арбитражных судов вопрос о возврате штрафа, уплаченного по впоследствии отмененному судебному постановлению, разрешается через институт поворота исполнения [9]. Коллегия вполне могла бы удовлетворить заявленный иск, квалифицировав уплаченный штраф также как требование о компенсации неосновательного обогащения, и тем самым обойти вопросы о причинно-следственной связи, вине и противоправности. В том числе поэтому квалификация незаконного штрафа как убытков вызывает сомнение. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Ягельницкого и О.Д. Петроль, что к возврату штрафа скорее применимы нормы о неосновательном обогащении, чем об убытках.

Актуальным также является вопрос о том, возможно ли начисление процентов на сумму уплаченного, но впоследствии отмененного штрафа и если возможно, то за какой период. В связи с этим интересно Определение ВС РФ от 14.09.2015 № 305-КГ15-3882 по делу № А40-65467/2014 [35]. В нем обсуждался вопрос о том, должны ли начисляться проценты на сумму добровольно уплаченного административного штрафа. Коллегия поставила под сомнение конституционность отсутствия в КоАП РФ положения о начислении процентов на такую сумму и направила первый с момента ее создания запрос в Конституционный Суд РФ. Как указал Верховный Суд РФ в Определении от 14.09.2015 по делу № 305-КГ15-3882 (А40-65467/2014) [35], отсутствие соответствующих положений истолковывается судами как невозможность применения норм, предусматривающих начисление процентов по ставке рефинансирования, к обязанности административных органов по возврату сумм административных штрафов. Определением Конституционного

Суда РФ от 09.02.2016 № 213-О [36] запрос Верховного Суда РФ был признан не подлежащим дальнейшему рассмотрению. Решение обосновано тем, что распространение на законодательное регулирование административного штрафа – как вида административного наказания – компенсационных правил, известных налоговому законодательству и законодательству о пенсионных и страховых взносах, образует компетенцию федерального законодателя и к полномочиям Конституционного Суда РФ не относится; гражданско-правовые нормы имеют универсальное значение, предусмотренный ими порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и их должностных лиц, распространяется на все случаи причинения такого вреда, если иное не предусмотрено законом.

Пример применения указанной выше правовой позиции содержится в Определении Верховного Суда РФ от 27.02.2017 № 308-АД16-21201 по делу № А32-14746/2015 [37]. Спор возник в связи с тем, что общество исчерпало возможные административные способы возврата 900 000 рублей штрафов (обращалось с заявлением о возврате штрафа во все возможные инстанции, каждая из которых за разрешением вопроса отпирала заявителя в иную инстанцию), взысканных с него постановлениями по делам об административных правонарушениях, отмененными Верховным Судом Российской Федерации. Посчитав, что за несвоевременный возврат незаконно наложенного (уплаченного) административного штрафа с административного органа подлежат взысканию проценты, исчисляемые по правилам статьи 78 Налогового кодекса Российской Федерации, подлежащей применению по аналогии закона, общество обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением. Оценив представленные доказательства в их совокупности и взаимной связи, руководствуясь положениями статей 27.1, 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статей 15, 16, 1064, 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснениями, содержащимися в пункте 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [30], суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленного требования. Суды исходили из того, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержит положений о воз-

мещении вреда, причиненного исполнением незаконно назначенного административного наказания, в виде процентов, начисленных на сумму административного штрафа, и не предусматривает возможность применения в таком случае аналогии закона. Суды указали, что в рассматриваемой ситуации возмещение вреда производится в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, при доказанности юридического состава убытков в виде упущенной выгоды, в подтверждение чего обществом не приведено доводов и не представлено доказательств. При этом реальный ущерб у заявителя отсутствует в связи с возвратом на расчетный счет общества 900 000 рублей штрафов (после подачи искового заявления для предотвращения негативного разрешения дела).

Данный пример показывает, что злоупотребления административных органов при несвоевременном возврате незаконно наложенных (уплаченных) административных штрафов являются по сути безнаказанными. И ГК РФ (ст. 395) и регулирующий сходные по сути правоотношения НК РФ (ст. 78) содержат нормы о взыскании процентов в случае незаконного удержания денежных средств. КоАП же не содержит положений о возмещении вреда, причиненного исполнением незаконно назначенного административного наказания, в виде процентов, начисленных на сумму административного штрафа, и не предусматривает возможность применения в таком случае аналогии закона. В данном деле суд возложил на общество бремя доказывания убытков в виде упущенной выгоды, вызванных незаконным удержанием в течение долгого времени 900 000 рублей, при том, что с точки зрения ГК РФ и НК РФ такой убыток просто очевиден (общество не может воспользоваться своими деньгами и вынуждено кредитоваться, что влечет необходимость нести бремя выплаты процентов за пользование кредитом).

Не стоит забывать, что причиненный вред может быть и нематериальным. В ст. 151 ГК РФ в качестве последствия причинения нематериального ущерба установлена его компенсация в денежной форме. Из самого определения морального вреда, приведенного в ст. 151 ГК РФ, о том, что это физические и нравственные страдания, следует, что взыскание компенсации морального вреда возможно, только если нарушены права граждан, взыскать моральный вред в пользу юридического лица нельзя (Определение ВС РФ от 10.07.2015 № 309-ЭС15-8331 [38]). Возмещение морального вреда также строится на принципе генерального деликта, поскольку в ст. 1064 ГК РФ говорится о компенсации или возмещении убытков лицу, которому причинен

юридически значимый вред, а поэтому этот принцип применим и для нематериального вреда. Соответственно, к условиям возникновения обязательства по компенсации морального вреда при его наличии относятся противоправность деяния, причинно-следственная связь и вина причинителя вреда.

В то же время имеются исключения, предусмотренные в ст. 1100 ГК РФ, когда компенсация морального вреда взыскивается независимо от вины причинителя вреда. Это возможно, когда вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию; вред был причинен гражданину его незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; в иных случаях, предусмотренных законом.

Нормативных актов, предусматривающих возможность взыскания компенсации морального вреда, достаточно много, но все они соответствуют положениям ст. 151, 1099 – 1101 ГК РФ о том, что моральный вред может взыскиваться только в случаях нарушения конкретных, определенных в законе видов прав и благ.

Следует согласиться с А.Э. Багдасаровой [39], которая считает одной из проблем правовой регламентации компенсации морального вреда и направления совершенствования гражданского законодательства в рассматриваемой области отсутствие методики определения величины компенсации морального вреда в денежном эквиваленте, что порождает излишнюю роль субъективизма при принятии решений по рассматриваемой категории дел.

По обоснованному мнению М.Н. Малеиной [40], система критериев определения размера компенсации морального вреда должна быть трехуровневой и включать в себя:

1) общие критерии определения размера компенсации морального вреда – форму и степень вины лица, причинившего моральный вред; общественную оценку действий (бездействия) причинителя;

2) частные (факультативные по отношению к общим) критерии определения размера компенсации морального вреда, применяемые при нарушении конкретного субъективного права;

3) основания повышения и снижения величины компенсации морального вреда. К основаниям повышения размера компенсации немущественного вреда следует отнести:

– причинение одновременно морального и физического вреда при посягательстве на одно нематериальное благо;

– причинение немущественного вреда одновременно посягательством на несколько нематериальных благ.

При рассмотрении данного вопроса целесообразно привести примеры, свидетельствующие о необходимости законодательного закрепления критериев определения размера компенсации морального вреда. Проведение полного и объективного анализа данной категории дел в части размера компенсации морального вреда значительно усложняется общепринятой практикой закрытия данных о суммах взысканной компенсации морального вреда. Тем не менее в отдельных случаях решения суда содержат информацию о размере требуемой и присужденной компенсации морального вреда.

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 29.04.2021 № 88-6499/2021 пришел к выводу, что с учетом необоснованного привлечения лица к административной ответственности истцу была присуждена компенсация морального вреда в денежной форме (ст. ст. 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации), сумму которой в размере 2 500 руб. суд также определил с учетом требований разумности и справедливости, исходя из того, что факт незаконного привлечения гражданина к административной ответственности однозначно причиняет ему нравственные страдания (снижен судом в 4 раза) [41].

Третий кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 07.04.2021 № 88-5420/2021 признал, что при определении размера компенсации морального вреда суд апелляционной инстанции учел период, в течение которого длилось административное производство, степень и характер нравственных страданий, личность потерпевшего, конкретные обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, и пришел к выводу о том, что подлежащий взысканию размер компенсации морального вреда должен составить 50000 руб. (снижен в 2 раза) [42].

Пятый кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 03.02.2021 № 88-503/2021 поддержал суд апелляционной инстанции, который руководствуясь положениями статей 15, 151, 1101, 1069, 1070, 1071, 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», а также разъяснениями, содержащимися в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15.07.2020 № 36-П, исходил из того, что неправомерность действий инспектора

ГИБДД установлена, дело об административном правонарушении возбуждено необоснованно, незаконное привлечение к административной ответственности О. повлекло нравственные страдания истца, в связи с чем пришел к правильному выводу о наличии оснований для частичного удовлетворения исковых требований, взыскания компенсации морального вреда в размере 7 000 руб., а также убытков в виде расходов по оплате услуг привлеченного защитника, размер которых был снижен до 5 000 руб. [43].

Разбор последствий административно-правовой реабилитации будет неполным без анализа такой разновидности компенсации морального вреда, как принесение реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный ему вред

В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [44] содержатся разъяснения о том, что «возмещение морального вреда, согласно статье 136 УПК РФ, помимо компенсации морального вреда в денежном выражении, предусматривает принесение прокурором реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный ему вред; помещение в средствах массовой информации сообщения о реабилитации, если сведения о применении мер уголовного преследования в отношении реабилитированного были распространены в средствах массовой информации; направление письменных сообщений о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или по месту жительства».

В соответствии с позицией Президиума Верховного Суда РФ обязанность прокурора принести официальное извинение реабилитированному, исходя из положений ст. ст. 133, 134, 136 УПК РФ в их взаимосвязи, возникает с момента признания за лицом права на реабилитацию. Согласно ч. 1 ст. 136 прокурор от имени государства приносит официальное извинение за причиненный ему вред. Данная норма уголовно-процессуального закона в отличие от других его норм (ст. ст. 135, 136, 138) не содержит предписаний о том, что суд при признании за осужденным права на реабилитацию должен одновременно с этим обязать прокурора принести извинения, поскольку такая обязанность возложена на прокурора законом. В то же время при неисполнении прокурором возложенной на него ч. 1 ст. 136 УПК РФ обязанности по принесению извинения его бездействие по смыслу закона может быть обжаловано в суд в порядке

ст. 125 УПК РФ (см. Постановления Верховного Суда РФ от 17 апреля 2013 г. № 328-П12ПР и № 329-П12ПР) [45, с. 816].

В целях выполнения требований ч. 1 ст. 136 УПК РФ о принесении прокурором официального извинения реабилитированному за причиненный ему вред Генеральным прокурором РФ издано Указание от 3 июля 2013 г. № 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [46].

Рассмотрим вопрос о возможности применения в настоящий момент в качестве последствий административно-правовой реабилитации такого способа возмещения морального вреда, как принесение реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный ему вред, используя имеющиеся способы регулирования.

О принесении извинения упоминается в пункте 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [47]: «Согласно части 3 статьи 29 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации статьей 152 ГК РФ и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел принести истцам извинения в той или иной форме.

Вместе с тем суд вправе утвердить мировое соглашение, в соответствии с которым стороны по обоюдному согласию предусмотрели принятие ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета».

Из указанной нормы следует, что принесение извинения как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации возможно только при заключении между истцом и ответчиком мирового соглашения, в других случаях – невозможно. На это в очередной раз обращено внимание в п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2019 года [48].

К настоящему времени судебная и судебно-арбитражная практика по данному вопросу устоялась и является единообразной – суды, руковод-

ствуюсь вышеуказанными правовыми позициями ВС РФ, отказывают в удовлетворении данного требования (кроме случаев, когда этот способ защиты содержится в мировом соглашении). Примерами подобного подхода являются Постановление ФАС Московского округа от 25 августа 2005 г. по делу № КГ-А40/7756-05-П [49] и Кассационное Определение Волгоградского областного суда от 23 июня 2011 г. по делу № 33-8522/2011 [50].

М.Н. Маленина [51], сетуя на необоснованно ограничительное применение процедуры принесения извинения по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации, обращает внимание, что в некоторых международных актах напрямую допускается такой способ защиты, как принесение публичных извинений. В соответствии с частью 4 ст. 15 Конституции РФ [10] общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотрены законом, применяются правила международного договора. На основании изложенного ограничительное применение извинения по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации необоснованно. Принесение извинения должно стать полноценным способом защиты чести, достоинства и деловой репутации.

По поводу правовой природы принесения извинения не существует единой точки зрения. Одни ученые полагают, что принесение извинения – это нематериальная форма компенсации морального вреда [52]. По мнению других, принесение извинения – одна из потенциальных форм реализации опровержения [53, с. 22]. Соответственно принесение извинения не является самостоятельным способом защиты [46, с. 26, 27]. Третья группа специалистов относит принесение извинения к потенциальным и перспективным способам судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации, которое является самостоятельным по отношению к опровержению [54, с. 20, 21].

По мнению А.Р. Гусаловой, такая форма защиты чести и достоинства, как личное извинение, несмотря на ее нематериальную форму, все же является вполне допустимой в гражданском законодательстве, поскольку в некоторой степени восстанавливает у потерпевшего психическое равновесие [55, с. 8, 24].

М.Н. Маленина квалифицирует принесение извинения как самостоятельный способ защиты наряду с компенсацией немущественного вреда и опровержением, причем не только по делам о защите чести, достоинства и деловой ре-

путации, но и при защите любого немущественного права [51].

По мнению Е.В. Гаврилова [56], извинение направлено сугубо на «утешение», «удовлетворение» самого опороченного лица, когда одновременно защищаются честь, достоинство и деловая репутация, причем упор делается именно на защиту достоинства.

Стоит заметить, что принесение извинения могло бы стать восстановительной мерой административно-правовой реабилитации в качестве эффективного способа защиты упомянутых нематериальных благ лишь в отношении граждан, которые могут обладать чувством собственного достоинства, а не в отношении юридических лиц, для кого, по общему правилу, нехарактерно наличие чести и достоинства. Для юридического лица честь и достоинство «растворяются» в понятии деловой репутации.

По мнению Н.В. Архиреева [57, с. 131], требование принести извинение именно как право сторон на его применение по делу о защите деловой репутации юридического лица не должно исключаться, однако эффективность использования этого метода для восстановления нарушенной деловой репутации юридического лица вызывает сомнения. Представляется, что справедливо говорить о возможности применения извинения как особого способа защиты деловой репутации юридического лица, направленного на номинальное ее восстановление, но только в совокупности с иными способами ее защиты.

В абз. 5 п. 2 мотивировочной части Определения КС РФ № 508-О разъясняется, что отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ). Данный вывод основан на положении ст. 45 (ч. 2) Конституции РФ, в соответствии с которым каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [58].

В качестве промежуточного вывода стоит сказать, что достичь в качестве последствия административно-правовой реабилитации восстановления невиновного гражданина в нарушенных правах путем принесения извинения с помощью доступных в настоящее время граж-

данско-правовых механизмов не представляется возможным.

При этом принесение извинения достаточно эффективно применяется в рамках реализации права на реабилитацию лиц, подвергшихся незаконному уголовному преследованию (гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ) [20], и при освобождении от отбывания наказания вследствие отмены приговора в связи с прекращением уголовного дела (п. 7 ст. 173 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) [59].

«По смыслу действующего уголовного процессуального законодательства, которое регулирует правоотношения в области реабилитации, прокурор, как основной представитель уголовного преследования, с точки зрения закона и морали, ответственен и за надлежащее расследование уголовного дела, и за его объективное и успешное рассмотрение в судебном заседании. Выступать стороной в правоотношениях с реабилитированным гражданином и от имени государства извиниться перед ним должен руководитель того звена централизованно-вертикальной системы органов прокуратуры, которое осуществляло функцию уголовного преследования гражданина, оказавшегося невиновным, и осуществляло надзор за расследованием уголовного дела по его обвинению» [60].

Казалось бы, положительной новеллой явилось законодательное установление обязанности полиции принести извинения гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции. Ранее Законом о милиции подобные действия не предусматривались.

В соответствии с пунктом 3 статьи 9 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в случае нарушения сотрудником полиции прав и свобод граждан или прав организаций полиция обязана в пределах своих полномочий принять меры по восстановлению нарушенных прав и свобод. В порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, полиция приносит извинения гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции, по месту нахождения (жительства), работы или обучения гражданина в соответствии с его пожеланиями [61].

Согласно пункту 2 Приказа МВД России от 15 августа 2012 года № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции», извинения гражданину приносятся при установлении (подтверждении) руководителем (начальником) факта нарушения сотрудником полиции прав и свобод гражданина по итогам рассмотрения (проверки) жалобы гражданина

на действия (бездействие) сотрудника полиции, а также при вступлении в законную силу решения суда, признавшего незаконными действия (бездействие) сотрудника полиции [62].

Свердловский областной суд в Апелляционном определении от 30.08.2017 по делу № 33а-14628/2017 [63] отказывая в удовлетворении требований о принесении извинений лицу, вынесенное в отношении которого постановление по делу об административном правонарушении признано незаконным ввиду существенных процессуальных нарушений, поддержал следующую позицию административного ответчика – Тюменского линейного отдела МВД России на транспорте: «06 февраля 2017 года административным истцом направлено обращение с требованием о принесении извинений за незаконное привлечение его к административной ответственности и удалении информации об этом из базы данных МВД. В ходе проверки по обращению В. установлено, что нарушений прав и свобод, действующего законодательства сотрудниками Тюменского линейного отдела МВД России на транспорте не допущено, оснований для принесения извинений не имеется, о чем административному истцу был направлен ответ от 03 марта 2017 года № 3/176600486022. Установленные решением Тобольского городского суда Тюменской области от 07 ноября 2016 года по делу об административном правонарушении обстоятельства свидетельствуют лишь о нарушении должностными лицами процессуальных норм административного законодательства. В указанном решении суда отсутствуют выводы о признании незаконными действий (бездействия) сотрудников полиции, нарушении прав и свобод гражданина В. и принятии мер по восстановлению нарушенных прав и свобод». Свердловский областной суд в Апелляционном определении от 30.08.2017 по делу № 33а-14628/2017 пришел к выводу, что правовых оснований, предусмотренных п. 2 Приказа МВД России от 15 августа 2012 года № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции», для принесения извинений В. со стороны административного ответчика не имеется, поскольку решение Тобольского городского суда Тюменской области не является решением, признавшим незаконными действия сотрудников полиции и установившим факт отсутствия события или состава административного правонарушения. Административный истец также не указал, в чем состоит нарушение его прав в связи с неисключением сведений о привлечении его к административной ответственности из базы данных МВД по

Тюменской области, доказательств нарушения прав и интересов данным обстоятельством в суд первой инстанции и в суд апелляционной инстанции не представил [63].

Анализ доступной судебной практики показывает, что суды в большинстве случаев отказывают при обращении лица с требованием о принесении извинений за незаконное привлечение его к административной ответственности, т.к. судебного акта, вынесенного в рамках производства по делу об административном правонарушении, недостаточно, необходимо еще в судебном порядке признать незаконными действий (бездействия) сотрудников полиции [64].

Остается надеяться, что правовые подходы, предложенные Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ в Определении от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 и Конституционным Судом РФ в Постановлении от 15.07.2020 № 36-П, будут учитываться судами при разрешении требований о принесении извинений за незаконное привлечение к административной ответственности.

Учитывая изложенное, следует поддержать мнение А.А. Маркеловой [14] о том, что устоявшийся гражданско-правовой механизм восстановления прав, нарушенных в результате незаконного административного преследования, нельзя признать удобным, понятным и непротиворечивым. Это может свидетельствовать о том, что само по себе гражданское право вряд ли может обеспечить полноценную систему возмещения вреда, причиненного в административной сфере, и учесть всю специфику применимых норм. В этом контексте более удачным выглядит решение уголовного права и процесса – установление основания и порядка реабилитации непосредственно в отраслевом процессуальном кодексе, где конкретизирована и упрощена процедура возмещения вреда, причиненного ошибочным применением мер принуждения.

Маркелова подчеркивает, что Конституционный Суд в Постановлении № 36-П также обращается к аналогии с реабилитацией и указывает, что закрепление в федеральном законе применительно к отдельным видам судопроизводства различных механизмов возмещения вреда обуславливается особенностями материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, существом и значимостью вводимых санкций и правовых последствий их назначения, что, однако, во всяком случае не может приводить к нарушению правовых принципов, в том числе справедливости и равенства [14]. По мнению ученого, тот факт, что п. 1 ст. 1070 ГК РФ в толковании Конституционного Суда объединя-

ет и уголовно-правовую реабилитацию, и распространенные административные меры, может свидетельствовать о том, что вопрос о возмещении вреда, причиненного и в сфере уголовного, и в сфере административного принуждения, должен решаться одинаково – путем реабилитации. Это позволило бы избежать сложной дифференциации последствий вынесения тех или иных административных решений, когда едва различимые отличия в существе административных споров приводят к совершенно разным и противоречивым гражданско-правовым решениям о возмещении вреда.

Представляется, что суды чувствуют эти противоречия, но пока, оставаясь в условиях несовершенного правового регулирования, только пытаются перейти от устоявшегося подхода к полноценной идее административно-правовой реабилитации.

Чтобы этого избежать, являлось бы желательным и правильным установить в КоАП РФ процедуру реабилитации, которая охватывала бы комплекс мер по восстановлению прав, нарушенных необоснованным административным принуждением, включающий необходимость возмещения расходов на оплату труда адвоката, возврата штрафов и иных платежей (например, стоимость хранения транспортного средства на специализированной стоянке), возмещения иных убытков на основании самого по себе факта прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения. Это позволило бы сгладить несовершенство ст. 1070 ГК РФ, которая не отражает полный перечень мер, применение которых влечет право на возмещение вреда без вины, не содержит единого критерия таких мер и неправильно воспринимается судебной практикой с точки зрения оснований возмещения вреда.

В представленном Министерством юстиции доработанном проекте Процессуального КоАП появились нормы о праве на реабилитацию тех, кого незаконно привлекли к ответственности. Оно будет включать в себя, например, право на возмещение имущественного вреда, а также на устранение вреда, причиненного деловой репутации юридического лица. Государство обязано полностью возместить вред независимо от вины суда, органа, прокурора, должностного лица (ст. 1.17 Проекта). Воспользоваться правом сможет, например, лицо, которого в итоге освободили от ответственности в связи с отсутствием события административного правонарушения. Отметим, что о необходимости рассмотреть вопрос о закреплении института реабилитации говорилось еще в концепции нового КоАП РФ. Поправки о праве на реабилитацию

позволят сделать процедуру возмещения вреда более понятной и прозрачной [65].

Но пока на законодательном уровне это не сделано, судебная практика остро нуждается в актуализации подхода к гражданско-правовой оценке незаконности и вины в действиях правоохранительных органов для целей решения вопроса о возмещении вреда. Гражданско-правовое обоснование хотя и допустимо, но является слишком сложным для применения в судебной практике без каких-либо уточнений. Поэтому, по мнению автора, назрела необходимость включения в КоАП РФ специальных норм о реабилитации, которые позволяли бы судьям разрешать дела менее противоречиво и более справедливо.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гуляков А.Д., Яшина А.А. Конституционно-правовые основы реабилитации человека и гражданина // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 30–31.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Мельничук Г.В. Реабилитация как межотраслевой институт российского права // Административное право и процесс. 2017. № 1. С. 11–18.
5. Яшина А.А. Реабилитация в уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 38–41.
6. Климова Г.З., Сенякин И.Н. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов, 2005.
7. Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 46–48.
8. Решение Пермского краевого суда от 11.05.2017 по делу № 7-714/2017(12-268/2017) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Костромского областного суда от 14.03.2017 № 4а-50/17 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Конституция Российской Федерации // Текст опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
11. Горлач Е.В. Противоправность поведения причинителя вреда как условие наступления гражданско-правовой ответственности государства по деликтным обязательствам // Обязательства, возникающие не из договора: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2015. С. 47–61.
12. Ответственность государства перед частными лицами (опыт комплексного исследования) / Под ред. Л.И. Антоновой. СПб.: Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2012. Т. 1.
13. Купреев С.С. Правовая ответственность государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 70–75.
14. Маркелова А.А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 в контексте Постановления КС РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 5–33.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4.
16. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 8, август.
17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-КГ18-12 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 20.08.2019 № 19-КГ19-12 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 149-О-О «По жалобам граждан Гудимова Александра Валерьевича и Шуршева Александра Олеговича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 и статьей 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 22.12.2001. № 249.
21. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
22. Смирнов В.Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л., 1973.
23. Яичков К.К. Система обязательств из причинения вреда в советском праве // Вопросы гражданского права. М.: МГУ, 1957.
24. Маштаков И.В. Противоправный и правомерный характер действий причинителя вреда в деликтном обязательстве // Актуальные проблемы юридической ответственности. Тольятти, 2003.
25. Определение КС РФ от 17 января 2012 г. № 149-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
26. Богданов Д.Е. Особенности ответственности за вред, причиненный публично-правовыми образованиями // Адвокат. 2012. № 3. С. 41–45.
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2020 № 36-П «По делу о проверке конститу-

- ционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона "О полиции" в связи с жалобами граждан Р.А. Логинова и Р.Н. Шарафутдинова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.
28. Определение ВС РФ от 19.11.2015 по делу № 305-ЭС15-8490 // СПС «КонсультантПлюс».
29. Определение КС РФ от 20.02.2002 № 22-О // Экономика и жизнь. 2002. № 16.
30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
31. Определение СКГД ВС РФ от 15.09.2020 № 78-КГ20-30-К3 // СПС «КонсультантПлюс».
32. Определение ВС РФ от 08.09.2020 № 48-КГ20-9-К7 // СПС «КонсультантПлюс».
33. Определение СКЭС ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 по делу № А40-238974/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
34. Ягельницкий А.А., Петроль О.Д. К вопросу об ответственности государства за вред, причиненный производством по делу об административном правонарушении. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 19.11.2015 № 305-ЭС15-8490 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 1. С. 19–24.
35. Определение ВС РФ от 14.09.2015 № 305-КГ15-3882 по делу № А40-65467/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
36. Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 213-О // СПС «КонсультантПлюс».
37. Определение Верховного Суда РФ от 27.02.2017 № 308-АД16-21201 по делу № А32-14746/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
38. Определение ВС РФ от 10.07.2015 № 309-ЭС15-8331 // СПС «КонсультантПлюс».
39. Багдасарова А.Э. Актуализация правового регулирования отношений по компенсации морального вреда в контексте систематизации проблем их законодательной регламентации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 72–79.
40. Малеина М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. 2015. № 5(221). С. 59–73.
41. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2021 № 88-6499/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
42. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2021 № 88-5420/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
43. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2021 № 88-503/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 02.04.2013) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 05.12.2011. № 273.
45. Бирюков Н.И., Ведерникова О.Н., Ворожцов С.А. и др. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2014.
46. Указание Генпрокуратуры России от 03.07.2013 № 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 15.03.2005. № 50.
48. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4, апрель.
49. Постановление ФАС Московского округа от 25 августа 2005 г. по делу № КГ-А40/7756-05-П // СПС «КонсультантПлюс».
50. Кассационное определение Волгоградского областного суда от 23 июня 2011 г. по делу № 33-8522/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
51. Малеина М.Н. Возложение обязанности принести извинение как способ защиты неимущественных прав // Законодательство. 2009. № 11. С. 10–16.
52. Будякова Т.П. Извинение как форма компенсации морального вреда в истории российского государства и права // Государство и право. 2004. № 1. С. 103–105.
53. Беспалов А.В. Честь, достоинство, деловая репутация как объекты гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
54. Макарова Т.Н. Проблемы гражданско-правовой защиты деловой репутации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
55. Гусалова А.Р. Гражданско-правовая защита деловой репутации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012.
56. Гаврилов Е.В. Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 7. С. 16–21.
57. Архиреев Н.В. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
58. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

59. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Российская газета. 16.01.1997. № 9.

60. Определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 1 декабря 2011 г. по делу № 33-11646/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

61. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.

62. Приказ МВД России от 15.08.2012 № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.08.2012 № 25339) // Российская газета. 05.09.2012. № 203.

63. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 30.08.2017 по делу № 33а-14628/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 08.07.2019 по делу № 11а-

8304/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное Определение Свердловского областного суда от 30.08.2017 по делу № 33а-14628/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

65. Обзор: «Минюст представил доработанный проект Процессуального КоАП РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

66. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.07.2020 по делу № 33а-3240/2020 // СПС «Консультант Плюс».

67. Апелляционное определение Омского областного суда от 16.05.2018 по делу № 33а-3097/2018 // СПС «Консультант Плюс».

68. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2014 № Ф05-15985/2014 по делу № А40-78651/14 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Суржик А.Ф. Проблемы правового регулирования институтов чести, достоинства и деловой репутации в гражданском праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 26, 27.

LEGAL CONSEQUENCES OF REHABILITATION IN CASE OF ILLEGAL BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

A.V. Palatin

The article analyzes the existing legal regulation of the restoration of the rights of a rehabilitated person. The article analyzes judicial practice in the field of compensation for damage caused by erroneous administrative coercion, using the example of the cases of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation. The question of the grounds for compensation for harm is being investigated, and in particular, whether the termination of the case in itself due to the absence of an offense is a sufficient basis for civil liability of the state. The author explores the prevailing approach in judicial practice, sees a tendency to move to a stricter understanding of state responsibility in this area and suggests ways to improve legal regulation and law enforcement in the analyzed category of cases.

Keywords: compensation for harm, administrative responsibility, rehabilitation, state responsibility, tort.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FL // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.

2. Gulyakov A.D., Yashina A.A. Constitutional and legal foundations of human rehabilitation and citizenship // Russian Justice. 2013. № 8. P. 30–31.

3. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FL // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1 (Part 1). Article 1.

4. Melnichuk G.V. Rehabilitation as an intersectoral institute of Russian law // Administrative law and Process. 2017. № 1. P. 11–18.

5. Yashina A.A. Rehabilitation in the criminal process // Russian Justice. 2017. № 3. P. 38–41.

6. Klimova G.Z., Senyakin I.N. Rehabilitation as a legal institution (issues of theory and practice). Saratov, 2005.

7. Gulyaev A.P. Compensation for harm: intersectoral aspect and actual problems // Russian Justice. 2012. № 5. P. 46–48.

8. The decision of the Perm Regional Court of 11.05.2017 on the case № 7-714/2017(12-268/2017) // LRS «ConsultantPlus».

9. Resolution of the Kostroma Regional Court of 14.03.2017 № 4а-50/17 // LRS «ConsultantPlus».

10. The Constitution of the Russian Federation // The text is published on the Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

11. Gorchach E.V. Illegality of the behavior of the causer of harm as a condition for the onset of civil liability of the state for tort obligations // Obligations arising not from the contract: Collection of Articles / Ed. M.A. Rozhkova. M., 2015. P. 47–61.

12. The responsibility of the state to private individuals (the experience of a comprehensive study) / Edited by L.I. Antonova. St. Petersburg: Publishing House of the RANEPА, 2012. Vol. 1.

13. Kupreev S.S. Legal responsibility of the state in the application of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses // Administrative and municipal law. 2010. № 4. P. 70–75.

14. Markelova A.A. On the issue of compensation for damage caused by erroneous administrative coercion. Comment to the Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.05.2018 № 305-ES17-21628 in the context of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.07.2020 № 36-P // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 2. P. 5–33.

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 9-P of 16.06.2009 «On the Case of Checking the Constitutionality of a Number of Provi-

sions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 and 30.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, paragraph 1 of Article 1070 and paragraph three of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Code of Civil Procedure Of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens M.Y. Karelin, V.K. Rogozhkin and M.V. Filandrov» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2009. № 4.

16. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 31.05.2011 № 145 «Review of the practice of consideration by arbitration courts of cases on compensation for damage caused by state bodies, local self-government bodies, as well as their officials» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. № 8, August.

17. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.01.2019 № 2-KG18-12 // LRS «ConsultantPlus».

18. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.08.2019 № 19-KG19-12 // LRS «ConsultantPlus».

19. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.01.2012 № 149-O-O «On complaints of citizens Alexander Valeryevich Gudimov and Alexander Olegovich Shurshev on violation of their constitutional rights by paragraph 1 of Article 1070 and Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

20. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FL of December 18, 2001 // Rossiyskaya Gazeta. 22.12.2001. № 249.

21. Belyakova A.M. Civil liability for causing harm. M.: Moscow University Press, 1986.

22. Smirnov V.T. Obligations arising from causing harm. L., 1973.

23. Yaichkov K.K. The system of obligations from causing harm in Soviet law // Questions of civil law. Moscow: Moscow State University, 1957.

24. Mashtakov I.V. Illegal and lawful nature of the actions of the causer of harm in a tort obligation // Actual problems of legal responsibility. Togliatti, 2003.

25. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 17, 2012 № 149-O-O // LRS «ConsultantPlus».

26. Bogdanov D.E. Features of liability for harm caused by public legal education // Lawyer. 2012. № 3. P. 41–45.

27. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 36-P dated 15.07.2020 «On the Case of Checking the Constitutionality of Articles 15, 16, Part One of Article 151, Articles 1069 and 1070 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 61 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1, 2 and 3 of Article 24.7, Articles 28.1 and 28.2 of the Code of the Russian Federation Of the Russian Federation on administrative offenses, as well as Articles 13 of the Federal Law "On Police" in connection with the complaints of citizens R.A. Loginov and R.N. Sharafutdinov» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2020. № 5.

28. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.11.2015 in case № 305-ES15-8490 // LRS «ConsultantPlus».

29. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20.02.2002 № 22-O // Economy and life. 2002. № 16.

30. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 5 dated 24.03.2005 «On some issues arising in courts when applying the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 6.

31. Definition of the SCGD of the Armed Forces of the Russian Federation of 15.09.2020 № 78-KG20-30-K3 // LRS «ConsultantPlus».

32. Definition of the Armed Forces of the Russian Federation of 08.09.2020 № 48-KG20-9-K7 // LRS «ConsultantPlus».

33. Definition of the SCES of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.05.2018 № 305-ES17-21628 in case № A40-238974/2016 // LRS «ConsultantPlus».

34. Yagelnitsky A.A., Petrol O.D. On the issue of state responsibility for the harm caused by the proceedings in the case of an administrative offense. Comment to the Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.11.2015 № 305-ES15-8490 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. № 1. P. 19–24.

35. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.09.2015 № 305-KG15-3882 in case № A40-65467/2014 // LRS "ConsultantPlus".

36. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09.02.2016 № 213-O // LRS «ConsultantPlus».

37. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.02.2017 № 308-AD16-21201 in case № A32-14746/2015 // LRS «ConsultantPlus».

38. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.07.2015 № 309-ES15-8331 /

39. Bagdasarova A.E. Actualization of legal regulation of relations on compensation of moral harm in the context of systematization of problems of their legislative regulation // Actual problems of Russian law. 2017. № 4. P. 72–79.

40. Maleina M.N. System of criteria for determining non-property damage compensation as a means of protecting civil, family and labor rights of citizens // Journal of Russian Law. 2015. № 5(221). P. 59–73.

41. Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 04/29/2021 № 88-6499/2021 // LRS «ConsultantPlus».

42. Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 07.04.2021 № 88-5420/2021 // LRS «ConsultantPlus».

43. Ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 03.02.2021 № 88-503/2021// LRS «ConsultantPlus».

44. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.11.2011 № 17 (ed. dated 02.04.2013) «On the practice of application by courts of the norms of Chapter 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating rehabilitation in criminal proceedings» // Rossiyskaya Gazeta. 05.12.2011. № 273.

45. Biryukov N.I., Vedernikova O.N., Vorozhtsov S.A., etc. Commentary on the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on corner cases / Under the general editorship of V.M. Lebedev. 3rd ed., reprint. and additional M.: NORMA, 2014.
46. Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia dated 03.07.2013 № 267/12 «On the procedure for implementing the provisions of Part 1 of Article 136 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
47. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.02.2005 № 3 «On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as business reputation citizens and legal entities» // Rossiyskaya Gazeta. 15.03.2005. № 50.
48. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 27.11.2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 4, April.
49. Resolution of the FAS of the Moscow District of August 25, 2005 in case № KG-A40/7756-05-P // LRS «ConsultantPlus».
50. Cassation ruling of the Volgograd Regional Court of June 23, 2011 in case № 33-8522/2011 // LRS «ConsultantPlus».
51. Maleina M.N. Assignment obligations to apologize as a way to protect non-property rights // Legislation. 2009. № 11. P. 10–16.
52. Budyakova T.P. Apology as a form of compensation for moral harm in the history of the Russian state and law // State and Law. 2004. № 1. P. 103–105.
53. Bepalov A.V. Honor, dignity, business reputation as objects of civil rights: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2004.
54. Makarova T.N. Problems of civil and legal protection of business reputation: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 2006.
55. Gusalova A.R. Civil and legal protection of business reputation: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Vladikavkaz, 2012.
56. Gavrilov E.V. Making apologies as a way to protect honor, dignity and business reputation // Legislation and Economics. 2012. № 7. P. 16–21.
57. Arhiereev N.V. Civil protection of the business reputation of legal entities in the Russian Federation: Dissertation of the Candidate of Legal Sciences Yekaterinburg, 2017.
58. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.12.2003 № 508-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Shlafman Vladimir Arkadievich on violation of his constitutional rights by paragraph 7 of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2004 № 3.
59. The Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997 № 1-FL // Rossiyskaya Gazeta. 16.01.1997. № 9.
60. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Samara Regional Court of December 1, 2011 in case № 33-11646/2011 // LRS «ConsultantPlus».
61. Federal Law № 3-FL of 07.02.2011 «On Police» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 14.02.2011. № 7. Art. 900.
62. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 15.08.2012 № 795 «On the procedure for apologizing to a citizen whose rights and freedoms were violated by a police officer» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 31.08.2012 № 25339) // Rossiyskaya Gazeta. 05.09.2012. № 203.
63. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of 30.08.2017 in case № 33a-14628/2017 // LRS «ConsultantPlus».
64. Appeal ruling of the Chelyabinsk Regional Court dated 08.07.2019 in case № 11a-8304/2019 // LRS «ConsultantPlus»; Appeal Ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated 30.08.2017 in case № 33a-14628/2017 // LRS «ConsultantPlus».
65. Overview: «The Ministry of Justice submitted a revised draft of the Procedural Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
66. Appellate ruling of the Moscow City Court of 28.07.2020 in case № 33a-3240/2020 // LRS «ConsultantPlus».
67. Appellate ruling of the Omsk Regional Court of 16.05.2018 in case № 33a-3097/2018 // LRS «ConsultantPlus».
68. Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 25.12.2014 № F05-15985/2014 in case № A40-78651/14 // LRS «ConsultantPlus».
69. Surzhik A.F. Problems of legal regulation of institutions of honor, dignity and business reputation in the civil law of the Russian Federation: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 2006. P. 26, 27.